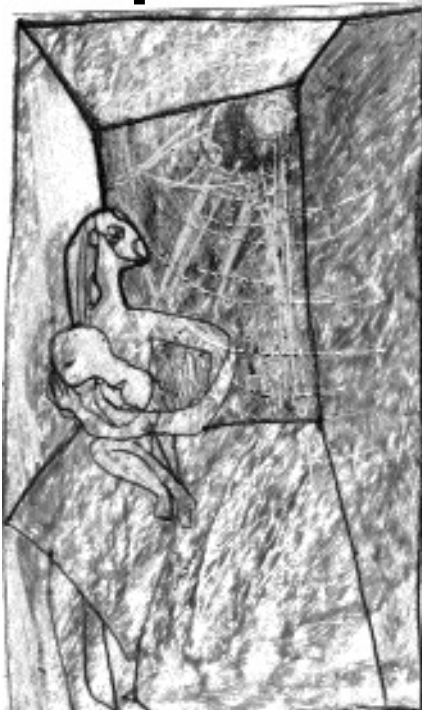


Возвращение



— Проклятье, — прошипел капитан Роджерс, когда под ногой жалобно пискнуло.

Он остановился посреди вспаханного поля и с кислой миной уставился на поношенные армейские ботинки. В глубокие царапины набились песок и мелкие камешки; кожа на когда-то новой обувке теперь местами свешивалась клочьями, словно шерсть с линяющего пса. Земля вокруг ботинок была влажная, рыхлая и черная. Настолько черная, что казалось — будто отсюда и до мохнатого леса простирается не поле, подготовленное к посеву, а просто тьма, устилающая поверхность.

Роджерс знал, что за тварь угодила под его тяжелый ботинок. К толстой ребристой подошве прилип фрикес — зверек, похожий на хомячка, только поменьше, с тонкой кожей цвета не-

спелого банана и удивительно тупой, как и многие представители этого мира. В зверьке еще теплилась жизнь, несмотря на расплющенное в лепешку тельце. Он тяжело сопел и в предсмертной агонии судорожно дергал лапками; черные глаза-бусинки глядели в ясное небо, отражая огненно-алый диск солнца.

Капитан вытер подошву о землю и, чертыхнувшись про себя, двинулся к лесной опушке, где в солнечных лучах грелись корабли. Словно гигантские птицы с широко раскинутыми крыльями, они сверкали оперением брони, поблескивали темными глазами иллюминаторов остроносой кабины и вонзали когти посадочных опор в податливую землю. Возле стальных птиц суетились люди — уставшие, в камуфляже, спешащие поскорее подготовить корабли к взлету, чтобы на-

всегда улететь из чужого мира, где многие, как и сам Роджерс, провели без малого три года. Были там и те, кто пробыл тут все пять лет — с самого начала войны. Например, полковник Смирнов, чей приказ — доставить верховного древня на Землю — надолго испортил капитану настроение.

Полковник стоял возле корабля Роджерса, прислонившись спиной к трапу, и разговаривал с кем-то из гражданских. Высокий, короткостриженный, с гладковыбритым лицом, в накинутом на плечи синем мундире и дымящейся сигаретой, зажатой меж пальцев левой руки; правая — висела на запятой повязке, переброшенной через шею.

Смирнов бегло глянул на приближающегося капитана, а затем вновь уставился на пухлого собеседника, одетого в коричневые сандалии, просторные оранжевые шорты до колен и голубую сетчатую футболку.

Роджерс остановился в двух шагах от трапа, выпустил тяжким вздохом накопившийся «пар» и тоже закурил.

— Я вам обещаю, что завтра ни одного корабля тут не будет, — говорил Смирнов осипшим голосом. — А мое слово — закон. Не правда ли, капитан?

Роджерс нехотя кивнул. Он дал бы по морде всякому, кто усомнился бы в честности Смирнова, но этот же самый Смирнов обеспечил ему «чудесную» компанию весь полет, поэтому кивок вышел вымученным, словно бы сам Роджерс не верил в то, что подтверждал.

Тип в оранжевых шортах одарил капитана недобрый взглядом и отбыл, сильно размахивая при ходьбе толстыми волосатыми руками.

— Это что еще за хрен с горы? — поинтересовался Роджерс, как только незнакомец удалился шагов на десять.

— Колонист, — ответил полковник недовольно. Видимо, толстячок изрядно его достал. — Ничего не поделаешь, наше время прошло, теперь наступила их очередь. Думаешь, на чем поле стоят наши корабли?

— То-то я смотрю, какой-то он

нервный, — сказал Роджерс и, немного помолчав, спросил: — А древень уже там?

— Угу-м, — ответил полковник. — Пришлось несколько переоборудовать грузовой отсек. Для твоей же безопасности. Врачи накачали дровяшку всякой дрянью, поэтому неделю будет спать без задних, — он усмехнулся, — корней. Бумаги на его сопровождение ты получил?

— Так точно, — подтвердил Роджерс со вздохом. — Неужели не было других кандидатур?

— Были. Только я не уверен, что они довели бы его в целости и сохранности. — Смирнов ткнул пальцем чуть левее корабля.

Роджерс пригнулся, чтобы из-под корабельного носа увидеть кому так не доверял полковник.

За кораблем, на большом сером ящике, обитом железом по краям, сидел, свесив ноги, лейтенант Бригз, известный своими кровавыми проделками. На его плече болталась проволока, сплетенная в овал, который был унизан сушеными языками древней. Ушей у врагов не было — только крохотные дыры, поэтому в качестве трофея десантники резали языки, напоминающие подгорелую треугольную отбивную. Хотя этим дело далеко не ограничивалось. Почти у всех пленных на коре можно было прочесть что-нибудь вроде «Здесь был Федя» или увидеть вырезанное сердечко, пробитое стрелой. Особой популярностью пользовались зверства под названиями «лейка», «дровосек», «садовник» и, конечно, «свечка». В последнем случае связанного врага вкапывали в землю, смазывали или поливали чем-нибудь горючим лохматую от листьев шевелюру, поджигали ее, а затем со смехом наблюдали, как полыхает его голова, выделяя вещество, похожее на воск.

— Теперь понял? — спросил Смирнов, стоило Роджерсу выпрямиться. — Не с ним же его отправлять. В лучшем случае останется древень без языка, и, сам понимаешь, кому он такой будет нужен. Извини, все корабли разведки задействованы.

Он вздохнул и затушил сигарету о край трапа, а затем почесал руку, обвитую запыленным бинтом от запястья до локтя.

— Все еще болит? — поинтересовался Роджерс для приличия.

— Нет, — ответил полковник. — Чешется, правда, страшно. Но кора уже отходит, — сказал он и в доказательство отколупнул выглядывающий из-под повязки кусочек. — Ты, кстати, сколько с нами?

— Три года. Три д-о-о-лгих года. Ровно столько я не видел жену и сына, — сказал Роджерс и, помолчав, с улыбкой добавил: — А еще я чертовски соскучился по черемуховому тарту.

— Понятно, — кивнул полковник.

— Ну, как говорится, ни пуха ни пера.

— К черту, — произнес Роджерс мрачно.

Они пожали руки, и полковник нырнул под корабельный нос, в полутора метрах нависающий над землей. А капитан выбросил окурки и хотел уже было ступить на трап, как вдруг услышал знакомый звук. «Фрике, фрике, фрике», — послышалось рядом.

Роджерс посмотрел под ноги и, естественно, увидел фрикеса. Зеленокожий зверек проскочил между расставленными армейскими ботинками. А дальше...

Капитан сам не понял, зачем он раздавил эту безобидную тварь. То ли потому, что напоследок хотелось сотворить какую-нибудь гадость этому миру, забравшему у него друзей, едва не погубившего его самого и воспитавшему ненависть ко всему растительному; то ли от гнева, который по-прежнему бурлил внутри из-за приказа Смирнова; то ли еще почему-нибудь. Но впервые за время пребывания в чужом мире Роджерс почувствовал приятное, чуточку ноющее облегчение — и с ним ступил на борт корабля...

Кто бы знал, с каким удовольствием капитан уселся за штурвал — словно новичок, впервые очутившийся в кабине настоящего корабля, а не симулятора из летной академии. Про-

хладный воздух, гоняемый кондиционером, фотография жены и сына, приклеенная к стеклу чуть выше приборной панели, и мягкое кресло, подстраивающееся под изгибы тела, — все это, подобно успокоительному, в считанные секунды избавило Роджерса от накопившейся злобы.

Он улыбнулся фотографии и радостным голосом вызвал диспетчера:

— Башня семь, это Грифон сорок три. Прошу разрешения на взлет.

Ответили без промедления, чему капитан совсем не удивился. Все-таки в том, что он вез верховного древня, были свои плюсы.

— Грифон сорок три, — хрипнули динамики, — взлет разрешен. Удачного полета.

Сквозь толстое стекло Роджерс посмотрел в небо. Казалось, именно от его взгляда корабли разлетелись в стороны, освобождая путь к гиперпространственным вратам, похожим на огромный вращающийся барабан, где вместо кожи ярко мерцала синева.

Пальцы привычно прошлись по панели управления, шелкая язычками тумблеров и мягко вдавливая подсвеченные кнопки.

— Домой, — прошептал Роджерс, вслушиваясь в шум двигателей. — Наконец-то домой.

Они жили в большом городе. В спокойном районе, в новом небоскребе, на тридцатом этаже. У них была хорошая квартира с широкими окнами, высокими потолками и просторными комнатами. В ней было все, о чем мечтали многие семьи, — от няни-робота до автомата, готовящего капучино. Все... кроме него.

Сегодня она отпросилась с работы пораньше, чтобы испечь черемуховый торт на день рождения сына. Обычный черемуховый торт, который можно было заказать в любой кондитерской, не тратя понапрасну ни сил, ни времени — только несколько евро.

Но она вдруг решила приготовить торт сама, хотя ей, как всегда, было некогда, хотя ей так давно не приходилось этого делать, что было страш-

но — а получится ли? Так или иначе, ей внезапно захотелось помять тесто привычными к клавиатуре руками, растопить шоколад, чтобы полить им горячий торт, вспомнить запах домашней выпечки, вывести собственными руками поздравительную надпись из крема и воткнуть все десять свечей.

Несмотря ни на что, торт вышел славным. Нисколько не подгорел и пропекся со всех сторон; поздравительная надпись получилась на удивление ровной, словно была сотворена бездушным расчетливым автоматом, а не руками уставшей женщины. И сын, и его друзья, и их родители ели торт с большим удовольствием.

Вечером, когда гости уже разошлись, она, как обычно, зашла в детскую.

Солнце золотым диском падало к горизонту, наполовину прячась за сверкающим городским лесом из стекла, стали и бетона; корабли и аэромобили яркими птицами пересекали облачное небо; и где-то там, за его голубым куполом, в холодной бездне космоса, летел он.

Мать опустилась на детскую кровать и улыбнулась.

— И что это ты тут рисуешь? — с интересом спросила она, хотя прекрасно понимала, кто висит над серебристо-серым диском голографа.

— Это папка! — радостно воскликнул сын, щелкая кнопками пульта. — Это я для него нарисовал. Он придет, и я ему покажу.

Полупрозрачный солдатик запросто уместился бы на ее ладони. Он выглядел так, как выглядят герои боевиков. Губы смыкались на кончике сигары, футболка цвета хаки обтягивала мускулистый торс, на широком ремне висел нож, штаны были заправлены в армейские ботинки, а руки сжимали серую длинную винтовку с красным огоньком лазерного прицела. На плече замер какой-то зверек. Не то хомячок, не то морская свинка, только почему-то лысая.

— Кто это? — спросила мать, укаывая на неведомого зверька. На сей раз она и впрямь не знала, кого нари-

сывал ее неугомонный сын, который словно бы обзавелся моторчиком с тех пор, как сообщили о возвращении отца.

— Мам, ты что, — удивился он. — Это же фрикес! Нам планетологичка про них рассказывала. Там, где папка, их много, — гордо заявил он, чуть тряхнув головой. — Злые-злые древни едят их, — почти шепотом пояснил он, точно открывая жуткую тайну, и со страхом добавил: — Живыми... Но ведь папка не позволит древням есть бедных фрикесов, да?

Мать кивнула. Ей хотелось спать. Крепко заснуть до утра. Семь дней назад сообщили, что наконец-то он возвращается. И каждый день стал тянуться так, как порой не тянулись месяцы.

— Тебе нравится? — спросил сын, глядя матери прямо в глаза.

Он ни на секунду не расставался с пультом, густо усеянным кнопочками всевозможных форм. И все еще что-то подправлял.

— Очень красиво, — сказала она уставшим голосом. — Я уверена, ему тоже понравится.

— Знаешь... — начал сын и осекся, слегка покраснел. — Брюс из соседнего дома сказал, что мой папа — оккупант и убийца.

— Значит, это с ним ты неделю назад подрался?

Сын нерешительно кивнул. Лицо его стало пунцовым от стыда.

— И прави... — теперь осеклась она. — Не слушай их. Твой отец — хороший человек. Он борется за нас, за то, чтобы у тебя было все самое лучшее.

— А он точно прилетит?

— Конечно, сынок. Обязательно прилетит. Только нужно еще немного подождать. Совсем чуть-чуть, — сказала она дрожащим голосом, посмотрела в небо и еле сдержала подступившие слезы.

Полковник не обманул. Древень очнулся строго на седьмые сутки, когда по расчетам до выхода из мрака гиперпространства оставалось полчаса.



В корабль словно врезалось что-то огромное, настолько сильно его качнуло.

«Началось, — огорчился Роджерс, покидая капитанское кресло. — Не мог проснуться на час позже».

Он взял винтовку и, пошатываясь в такт качающемуся кораблю, прошагал в грузовой отсек. Все это время

пленник буйствовал не переставая, и успокоился лишь тогда, когда увидел человека.

Судя по содранной коре вокруг шеи, враг рвался не жалея себя и мог еще преподнести сюрпризы, поэтому капитан на всякий случай осмотрел толстое заградительное стекло — от пола до потолка, лишенное ручек, ус-

тановленное намертво вместо прежней двери и пробитое стройными рядами дырочек, сквозь которые не пробрался бы и таракан. На стекле не было ни единой царапинки; оно надежно защищало Роджерса от могучего врага.

Древень был огромным. Пышная от широких листьев грязно-зеленого цвета макушка упиралась в высокий потолок; необычайно длинные и толстые корни ног несколькими витками схватывала цепь; еще одна — связывала сучковатые руки; а на мощной шее стальным воротником лежала изогнутая труба, приваренная к стене. Получалось, что шевелить враг мог лишь кривыми кистями рук и огромной головой, заросшей мхом до глаз, которые и размерами и формой напоминали два черных яблока. Ну, еще немного мог двигать корнями, собранными цепью в этакий хвост. Пол вокруг живого дерева был усыпан листьями, как земля в осеннем саду.

«Пожалуй, как раз такие особи легко рвали пополам тела десантников», — подумал Роджерс. Сам он занимался тем, что бомбил древесные города и поселения, часто бился с беспилотными и удивительно неуклюжими «жуками» величиною с аэромобиль, но никогда не бегал с винтовкой в руках по непроходимым лесам и зловонным болотам, поэтому вблизи видел только плененных древней.

Иногда ему приходилось забирать измотанных и раненых десантников. Именно от них он и наслушался историй о том, как зрелые древни рвали людские тела, словно игрушечные. Именно от этих бравых вояк впервые услышал о вирусе Дрейтона, или Лесной чуме, превратившей тысячи солдат в деревьяшки. Наконец, именно из-за жестокости десантников был вынужден сопровождать врага, потому что с ними, соглашался Роджерс, древень и вправду вряд ли долетел бы в изначальном виде. Если бы вообще долетел.

— Чего шумишь? — спросил капитан, стараясь не показывать страх. Несмотря на толстое стекло, на то, что древень был надежно прикован, ог-

ромное живое дерево внушало не только отвращение.

Мох на скулах зашевелился, заиграл всеми оттенками зеленого в ярком свете лампы, и из дупла рта выкатился мокрый язык, совсем не похожий на те, что висели на плече Бригза.

— Дай мне воды, человек, — вполне внятно попросил древень. Хотя, конечно, этот скрипучий и шелестящий голос, словно сплетенный из звуков лесного шума, никак не мог принадлежать человеку, пусть и простуженному, пусть и с поврежденным горлом. — Мне нужна вода, — громко проскрипел древень и сплонул, будто изъяснение на человеческом языке доставляло ему такое же отвращение, какое сам древень вызывал у Роджерса.

Впрочем, про отвращение капитан забыл, стоило ему только услышать человеческие слова, слетевшие с волнообразных губ древня. Где? Когда? Как враг сумел овладеть человеческим языком? Размышляя над этим, Роджерс вдавил единственную кнопку, установленную на стене в шаге от стекла.

Вода ударила сбоку, как из брандспойта. Тугая струя, словно бы желтая в искусственном густом свете, разбилась о темно-бурую, почти черную кору, потекла по ней ручейками. Зашевелились змейками корни, зашестела листва под брызгами, а за стеклом захлюпало так, будто кто-то бежал по лужам.

Капитан немного подождал, после чего убрал палец с кнопки, и струя мягко опала.

Огромная лужа исчезала на глазах. Дергающиеся корни всасывали воду, точно сотни слоновьих хоботов. Листья, секунду назад качающиеся лодочками на волнах подтопленного отсека, теперь липли к полу. Он стал почти сухим, когда древень утолил жажду.

— Это хорошая вода, человек, — сказал он. К изумлению капитана, в голосе врага, чью цивилизацию уничтожили люди, не было ни ненависти, ни злости.

Роджерс непонимающе пожал плечами и осторожно опустил на

пластиковую коробку, надеясь, что она его выдержит. Коробка тихо хрустнула, но, вопреки ожиданиям, не развалилась.

«Спятил он, что ли? — предположил капитан, с подозрением поглядывая на узника и чиркая зажигалкой. — Наверное, спятил. От уколов, от безнадёги, да мало ли по какой причине».

Сигаретный дым приятно хлынул в легкие, расслабляя тело. За стеклом гулко стучали капли, падающие с мокрой макушки; позвякивал цепью враг.

— Где ты научился так говорить? — спросил Роджерс, разглядывая тлеющую сигарету.

— Не только вы брали в плен, — ответил древень. — Трех ваших мы захватили в самом начале войны, и все эти годы они рассказывали мне о вас. О вашем мире.

Роджерс не переставал удивляться. Насколько он знал, враги убивали всех, в том числе и тех, кто сдавался. Ни в городах, ни в поселениях не находили пленных или мест, похожих на тюрьмы. Да и полковник Смирнов, перед тем как отправить десантников в бой, постоянно твердил им своим охрипшим голосом: «Пощады не ждите. Пленных они не берут!». А уж Смирнов...

— Не верю, — сказал Роджерс.

— Понимаю, мы же всего лишь «тупые деревянные», которые ничего не смыслят в войне.

— А разве не так? Нам хватило пяти лет для победы. Невзирая на Лесную чуму, вашу физическую силу, необыкновенную способность к регенерации и огромную, — он ухмыльнулся, вспоминая бой с нерасторопным жуком, — флотилию, прервосходившую людскую в четыре раза.

— Наш народ не был готов к нападению, — вздохнул древень. — В отличие от вас, мы никогда не воевали ни сами с собой, ни с представителями других миров. С рождения нас учили, что никто, кроме матери-природы, не имеет права забирать чужую жизнь. Все, что нам было нужно, давали лес, реки и горы — и только они. Мы ценили свою жизнь, любили наш дом и

надеялись, что так будет всегда.

Разговор начинал интриговать капитана. Похоже, не зря в папке с грифом «Совершенно секретно» было указано: «Верховный древень». Однако как странно: в ней ничего не говорилось о том, что враг свободно владеет человеческим языком. Кроме того, что-то в узнике было не так. Слишком спокойно он говорил, слишком комфортно он себя чувствовал, словно и не был пленником, а сидел где-нибудь на поляне и вел задушевную беседу со старым другом.

Роджерс потушил сигарету. Ухмыльнулся:

— Знаешь, вашу планету рано или поздно все равно кто-нибудь захватит бы. Не мы, так другие.

— Почему?

— Потому что существа на ней безобидны, тупы и...

Красный огонек на потолке вспыхнул за секунду до предупреждения.

— Опасность! Опасность! Опасность! — разнесся по кораблю скрипящий голос бортового компьютера. — Обнаружен вирус Дрейтона. Возможна угроза жизни...

— Стоп, Миранда! — Роджерс вскочил с коробки. Мысли путались; в голове шумело от громкого голоса бортового компьютера. Корабль тоннул в тревожном красном свете предупреждающих лампочек, как будто за иллюминатором взошло ярко-алое солнце. — Место обнаружения?

— Грузовой отсек, — ответила Миранда без промедления.

Капитан ожег гневным взглядом стекло, за которым своими жуткими губами, похожими на две огромные серые шевелящиеся гусеницы, улыбался враг. Это был не прежний тихий философ. От того древня не осталось и следа.

Теперь Роджерс увидел и чудовищную ненависть в блестящих глазах, и непонятное чувство какого-то удовлетворения — словно древень секунду назад уничтожил всех землян. Да, он явно упивался неизвестной победой — не то капитанским страхом, не то еще чем.

— Что это за фокусы?
— Сюрприз для людей, — ответил древень с усмешкой.

— Этого не может быть, — словно молитву прошептал Роджерс. — Тебя проверяли! Ты лжешь! — Он вскинул винтовку и нажал спусковой крючок.

Янтарно-желтый луч с шипением впилился в стекло, заскользил по нему — тщетно. Оно даже слегка не оплавилось.

— Тебя должны были проверить!
— закричал Роджерс.

— Меня и проверили, — захихикал древень. — Но семечко в моем желудке, наверное, не заметили. А пока я спал, пока мы приближались к Земле, оно росло, росло и росло, превращаясь в огромную бомбу, способную уничтожить всех людей на твоей планете.

— Чушь! Это невозможно. Вы никогда не владели таким оружием, иначе бы использовали его против нас.

Древень продолжал насмехаться над растерявшимся капитаном.

— Жаль, что мы создали его так поздно. Но это не единственный сюрприз, который я тебе приготовил, человек.

Древень истерически рассмеялся, а потом широко разинул рот. Капитан с ужасом увидел, как оттуда хлынуло угольно-черное облако мелких букашек, которые с писком ударились в стекло и... тонкими струйками потекли сквозь дырки. Как назло, в этот момент корабль нырнул в гиперпространственные врата, и густая сверкающая синева затопила каждый отсек.

Не видя ничего, на ощупь, словно слепец, Роджерс двинулся в сторону кабины. В непроглядной синеве без усталости пищали и кусались, как комары, жучки из чужого мира; почему-то стремительно исчезал воздух, словно его кто-то откачивал, а ноги тяжелели с каждым шагом...

Корабль выбросило из врат, когда Роджерс уже нащупал знакомую спинку кресла. Только теперь, глядя на показатели приборов, на руки, открытые коричневой сыпью, капитан понял, что с ним случилось. Почему собственное тело все меньше подчи-

нялось ему. Почему он с трудом дышал, не в силах произнести и звука. Проклятые насекомые несли на своих жалах Лесную чуму.

Древенея заживо, не сводя глаз с фотографии жены и сына, Роджерс упал в кресло. На раздумья времени не было: корабль на автопилоте несся к Земле.

Она часто смотрела в окно. Пристально глядя в небо, кишашее летательными аппаратами, и замерзала бледной статуей у подоконника, уронив худые руки вдоль тела. Ее глаза то метались в поисках корабля с символом военного флота, то застывали, как у мертвеца, — жгли, буравили одну точку, словно старались заглянуть туда, за небесный купол. И со стороны могло показаться, будто женщина возле окна видит нечто такое, что не дано видеть другим. Но она просто ждала его. Всем телом, которое давно не знало мужских ласк, всем любящим сердцем и всей душой, израненной острыми когтями тоски и тревоги.

Иногда она тихо плакала, чтобы не услышал сын, иногда судорожно вздрагивала, заметив на корабельной броне орла, взгромоздившегося на круглый щит. А он по-прежнему не прилетал.

Сегодня ей не спалось. Время, казалось, остановилось вовсе. Она столько раз представляла, как он вновь переступит порог их дома, что близость этого момента едва ли не сводила ее с ума. Его так долго не было, что встреча с ним теперь представлялась иллюзией, сказкой — чем угодно, только не реальностью.

Она не понимала, почему так ноет сердце. То ли потому, что он близко, то ли потому, что чувствует какую-то беду, предупреждает о ней. Нет, никакой беды быть не может, — успокаивала она себя. Гнала прочь эту мысль, яростно гнала всякую тревогу, а сердце продолжало упорно ныть.

Так и не уснув, она поднялась и подошла к окну. Как подходила сотни, тысячи раз. За широким стеклом

плыли аэромобили, светом фар вспарывавая мрак; стальными соколами падали легкие корабли, подмигивая ей посадочными огнями; а небо! — оно было удивительным, словно сам Всевышний специально для нее сделал его таким чистым-чистым, заставил холодные огоньки звезд светить ярче обычного. И вдруг там, на черном небесном полотне, расцвел огненный цветок. Прямо на ее глазах распустился на миг, разбросал оранжевые лепестки, взорвался ослепительными ис-

крами — и тотчас угас, пронзив хрупкое женское тело ледяными иглами ужаса. А ей показалось, что разорвалось сердце.

Она стиснула зубы, чтобы не закричать. Потом тихо засмеялась, в мыслях обозвав себя дурой.

— Это не он, — сказала она себя, утирая слезы. — Конечно, не он. Он не может погибнуть. У него растет сын, у него есть я. Он... обязательно прилетит.

ОБ АВТОРЕ:

Степан Борисович Кайманов родился в 1979 году в г. Абакане. Окончил Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова по специальности «Учитель русского языка и литературы». В настоящее время работает над кандидатской диссертацией «Идейно-эстетические искания сибирских фантастов конца 20-го — начала 21 веков», исследуя творчество М. Успенского, Г. Прашкевича и А. Бушкова.

Рассказы, статьи и рецензии публиковались в журналах «Если» (Москва), «Реальный мир» (Москва), «Навигатор игрового мира» (Москва), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Меридиан» (Ганновер), «Вселенная. Пространство. Время» (Киев), «Порог» (Кировоград), «Шалтай-болтай» (Волгоград), «Магия ПК» (Санкт-Петербург), «Монитор плюс» (Барнаул), «Я» (Нью-Йорк), «Крылатый Вестник» (Минск), Penthouse (Киев) и в газетах «Просто фантастика» (Киев) и «Вечерний Петербург».